

Ильхам
РАГИМОВ

ДОСТИЧЬ
ВЕРШИНЫ

Ильхам Рагимов

Достичь вершины

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19042559
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Их пути вряд ли бы пересеклись. Один – иудей, другой – мусульманин. Один – известный путешественник. Другой – переводчик в нефтяной компании. У них мало общего. Их объединяет онкологическая болезнь, которая, как ни странно, помогает им не просто бороться со смертью, но дает возможность взглянуть на жизнь другими глазами. Если люди ищут друг в друге сходства, а не различия, им легче достичь вершины. Книга была издана в 2004 году, за 4 года до выхода фильма «Пока не сыграл в ящик».

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ильхам Рагимов

ДОСТИЧЬ ВЕРШИНЫ

Часть первая

ИСПЫТАНИЕ

*Когда поселится пришелец в земле вашей, не притесняйте его: пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любите его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской. Я Господь, Бог ваш.
(Тора, Левит гл. 19, ст. 33–34)*

*Поистине, те, кто уверовал (в Коран),
И те, кто следует иудаизму,
И назореи, и сабеи,
Кто верует в Аллаха и Последний День
И (на земле) творит добро,
Найдут у Господа награду.
На них не ляжет страх,
Печаль не отягчит.*

(Коран, сура 2 Аль Бакара, ст 62)

Глава 1

День близился к своему завершению, отсчитывая последние минуты солнечного света, бьющего косыми лучами по небесному своду, словно лазерный спецэффект на увеселительном мероприятии, окрашивая неплотные облака разнообразной конфигурации в немислимые цвета и оттенки. Картина поражала воображение богатством красок и форм. Огромная, непостижимая небесная мозаика, созданная невидимой дланью Творца. Было холодно, что вовсе не удивительно: март на Средней Аляске не самый теплый период, даже если находится в последней фазе и скоро уступит законное место немногим более теплему апрелю.

Ави Гурвич любил Аляску, независимо от времени года, суток, обилия атмосферных осадков и иных стихийных проявлений природы. Каждую командировку в этот холодный и столь же притягательный своею красотою штат, он ждал с особым нетерпением, чтобы подготовить очередной очерк или статью для «Нешнл джеографик», где печатались его размышления о странах, городах, пустынях, горных цепях и океанах, которые он исколесил вдоль и поперек, за свои 53 года, насыщенной на события жизни.

Статьи сопровождались красочными снимками, и черно-белыми зарисовками. Большой любитель природы нередко выступал и в телевизионных программах компании, хотя

все же больше предпочитал писать статьи, чем появляться на экранах. Тем не менее результатом был доволен не только он сам, но редакция журнала и телевизионное начальство. «Нешнл Джеографик» стабильно пополняла число своих читателей и зрителей благодаря экзотическим рассказам Гурвича. Вот и на этот раз за первые восемь дней исследователь успел запасть неплохим материалом для своего журнала.

Оранжевый диск делал последний вдох, перед тем как погрузится за горизонт, чтобы вновь вынырнуть на поверхность другой части света и дать начало новому дню поисков, находок, разочарований и обретенных надежд. Ави наслаждался закатом, слегка щурил глаза и непроизвольно улыбался. Отражение лучей небесного светила в витринах городских зданий не столь притягательно и романтично, как их отблеск на заснеженных вершинах гор и глади девственных озер.

Где-то вдалеке послышался звук горна, напоминающий хриплый голос самца оленя. Опытный слух мог отличить рев животного от незамысловатого инструмента, который часто использовали местные охотники. Кому взбрело в голову трубить в это время суток? Обычно это делается за час или два до захода солнца. Хотя звуки вовсе не мешают, даже наоборот, вносят разнообразие в оглушающую тишину, в которой он пребывал.

Ученый сидел на переносном стуле, уперев правую ногу в ствол вековой ели и скрестив на груди руки. Теплый пар ды-

хания вырывался на свободу, быстро скрываясь уже в темнеющих зарослях.

– Мистер Гурвич, мистер Гурвич, – послышался голос молодого провожатого, – вы скоро, мистер Гурвич? Темнеет, пора в дом.

Провожатый явно нервничал. Наступление сумерек сулило ничего хорошо, за исключением красивого заката.

– Я здесь Шеен, – крикнул в ответ профессор, помахав для убедительности рукой.

Шеен заметил в полумраке волнообразное движение темно-синий куртки, сливающейся с колючей хвойной растительностью. Со слухом у провожатого тоже не было проблем, а потому бодрый голос Ави с расстояния примерно в двадцать шагов должен был его успокоить. И все же, лучше заставить гостя войти в помещение. Мало ли что может произойти в такое позднее время. Аляска не всегда гостеприимна, особенно это касается ее четвероногих обитателей.

– Я прошу вас... – чуть запинаясь выговорил Шеен, – войдите в дом.

Он уже стоял рядом, временами судорожно озираясь по сторонам, будто ждал нападения на охраняемого им человека. Какой позор если с гостем случится что-то страшное. Как он сможет смотреть после этого в глаза сородичей? Лучше самому умереть.

– Почему ты так взволнован, Шеен? – спросил Гурвич. – Со мной все в порядке. К тому же здесь так тихо и спокой-

но, что слышен каждый шорох. В случае опасности я смогу добежать до дома.

На самом деле он вряд ли бы успел преодолеть и половину расстояния, если какой-нибудь хищник заинтересовался бы его персоной.

– У вас даже нет ружья, – справедливо заметил проводник.

– Зачем оно мне нужно, друг мой? – Ави потирал руки, чтобы согреть слегка размякшие мышцы. – Чему быть, того не избежать.

Шеен, молодой алеут, великолепно знал местность, так же как возможную опасность – резкий, скользкий спуск, неожиданный обрыв, случайное падение в бурный речной поток или нападение зверей, особенно знаменитого гризли. Всего того, что могло подстергать неподготовленного человека в этих нелюдимых местах.

Гурвича сковывало постоянное присутствие его экзотичного бодигарда, и все же он прекрасно отдавал себе отчет, что без помощи провожатого ему не обойтись.

– Ладно, Шеен, – человек с большой земли неохотно встал с насиженного места, – ты меня убедил.

– Я успел сделать кое-какие заметки. Думаю, они мне пригодятся для моих работ в журнале, – он посмотрел на небо, словно выплывшее из доброй сказки темную шаль, бесконечной сыпью мерцающих звезд. – День прожит не зря.

– Можно и отдохнуть, сэр, – посоветовал Шеен.

– Это прекрасно, когда каждый день ты можешь назвать полезным, независимо, сколько тебе лет двадцать или девяносто. Я прав, друг мой?

Профессор часто называл своего собеседника «мой друг» или просто «друг», пытаясь создать между ними нормальные человеческие взаимоотношения. Не хотелось видеть в Шеене только охранника. Это больше мешало работе, чем помогало. Так считал Ави, которому, однако, так и не удалось убедить провожатого называть его по имени, без всяких многозначительных приставок. Слова «мистер» или «сэр» сильно въелись в мысли Шеена, и он то и дело вставлял их перед именем или фамилией профессора биологии.

– А какие изумительные снимки я сделал! Ты даже не представляешь! – хвалился ученый, раздвигая приставучие ветви елей. – Так близко к гризли я еще никогда не подходил.

– Они сейчас очень опасны, мистер Ави.

– Знаю, Шеен. К тому же это была самка с детенышами.

– Вам повезло, что она оказалась умной самкой. Они понимают, что встреча с человеком не принесет им никакой пользы. Медведица хотела защитить детенышей и нашла лучшее средство – убежать от человека подальше.

– Видимо, она была не голодна, иначе бы мне несдобровать, – Гурвич весело рассмеялся, поглаживая бородку, служащую дополнительной защитой от холодного ветра.

Они прошли еще несколько шагов по вытоптанной дорожке к небольшому деревянному домику, служащему им по-

ходным офисом и «пятизвездочным» отелем, одновременно. Лицо провожатого, как обычно, не выражало никаких эмоций, но его душа успокаивалась, обретая спокойствие с каждым шагом, приближающим их к спасительному убежищу. Еще один день его ответственности можно было назвать завершенным, хотя до полуночи достаточного времени. Дверь с ужасающим скрипом открылась, и двое вошли внутрь. Крохотный огонь в отведенном углублении не слишком отапливал две небольшие комнаты деревянного строения, а потому, помимо верхней одежды и головного убора, снимать ничего не рекомендовалось из-за опасности схватить пневмонию.

На круглом столе покоился нераскрытый лаптоп. Из-за отсутствия источника питания хозяин пользовался им нечасто и заносил в компьютер скомканную информацию обычно в последний день своего пребывания. К тому же он больше любил делать записи в тетради непосредственно с места событий, испещряя мелким почерком не одну страницу. Строчить приходилось только при дневном свете, так как электричества в лесном домике в глуши Аляски не было, а портить глаза при свете керосиновой лампы не хотелось. Они ему были еще нужны.

Рядом с отдыхающим лаптопом находилась недопитая бутылка водки, заблаговременно припасенная Ави. Она служила ему как успокоительным средством после изнурительных походов по лесным массивам, скалам и иным местным

достопримечательностям, а также источником внутреннего тепла.

– Ты не голоден, храбрый воин? – профессор снял куртку и налил в металлическую кружку содержимое бутылки.

– Нет, сэр – лицо провожатого было твердым и холодным, как льдины вершины Мак-Кинли.

– Ху..., -фыркнул Гурвич, опустошив залпом всю кружку.

– Вы кажется, немного устали, мистер Гурвич, – сквозь полумрак на профессора смотрела пара суженных глаз Шеена.

– Да...слегка, – покачал головой Ави, – но это приятная усталость друг мой. Усталость исполненного долга.

– У вас грустные глаза, сэр. Вы плохо себя чувствуете? – от внимательного Шеена не ускользало ничего. – Может быть, я могу вам чем-то помочь?

– Меня удивляет твоя способность видеть в темноте мои погрустневшие глаза. Как тебе это удается?

– Я обязан чувствовать человека, которого охраняю.

– Вот как, – закричал профессор. – Может, ты и прав. Возможно, это трудно скрыть даже во мраке сумерек...или же ты непревзойденный провожатый. Скорее всего, верно и то и другое.

Гурвич грустно улыбнулся и налил еще водки. Пил он медленно, ощущая как прожигает горло легкое, приятное тепло.

– Ху...Сколько тебе лет, Шеен?

– Двадцать один.

– Совсем еще мальчик. Пройдет лет десять и у тебя, наверное, будет своя семья.

– Я женат, мистер Гурвич.

– Женат? Неужели? – поднял брови профессор. – Какой ужас... Мы столько дней вместе, и я о тебе ничего не знаю. Работа отнимает все время. Обещаю к следующему приезду подготовить статью о твоём народе. И дети есть?

– Сын.

– Сын? Поразительно. – Ави снял перчатки и подышал на руки, согретым спиртом дыханием. – Думаю, он еще не совсем взрослый?

– Ему нет еще года, – все так же без мимики ответил Шеен.

– В вашем роду всегда так рано создают семьи?

– Как придется.

– Ты старше моей дочери всего на пять лет. И уже отец.

– У вас, кажется, тоже есть сын? Простите, но я видел вашу семейную фотографию рядом с кроватью.

– Точно, – Гурвич прошелся по комнате и сел на хрупкий стул с шатающимися ножками. – Скажи мне, Шеен, как долго ты не видел свою семью?

– Неделю, – сухо ответил провожатый, – с того момента пока я с вами.

– Скучаешь?

– Стараюсь про это не думать. – глаза провожатого смот-

рели на языки пламени.

– Напрасно, друг мой. Семья – это то, ради чего человек существует. Иначе теряется смысл самой жизни, – тело слегка согрелось и профессора стал одолевает сон, но он пытался отогнать его беседой. – Это здорово, что у тебя есть семья, которая ждет твоего возвращения.

– Я с вами согласен, мистер Гурвич.

– Я не видел свою жену и детей уже больше месяца. Может быть, поэтому я кажусь грустным? Кто знает?

– Почему бы вам тогда не вернуться домой? Зачем торчать здесь, в этих темных, лесных дебрях?

– Работа, парень, работа, – ущипнул себя за бородку Ави. – Без нее нормальный человек не способен качественно функционировать.

– Если вам когда-нибудь придется выбирать между семьей и работой...

– Не хочу даже думать про это, – перебил ученый. – И то и другое для меня очень важно. Я не смогу жить без этих двух составляющих моей жизни. Надеюсь, ты меня понял, Шеен?

– Думаю, что понял, – пламя стало набирать обороты, прибавляя освещения в темной комнате.

Профессор потер руки, чувствуя разницу между долгим пребыванием на холодном воздухе и несколькими минутами около спасительного огня.

– Кстати, как зовут твоего сына?

– Ленни.

– Ленни? Леонард?

– Да, Леонард, – кивнул Шеен. – Не хочу, чтобы он оставался здесь, на Аляске.

– Почему? – удивился Ави. – Чем тебя не устраивает родина предков?

– Он должен расти и развиваться, не отставая от темпа большой земли, – дальновидно размышлял алеут. – Может, он станет таким же хорошим ученым, как вы, или банковским служащим.

– Лучше банковским служащим, – Гурвич периодически давал щелчки опустевшей металлической кружке.

– Убивать китов и тюленей, обшивать их шкурами охотничьи лодки – это вчерашний день. Я не хотел бы для него такой однообразной жизни.

– Банковская жизнь намного скучнее, Шеен... Хотя это твое право отца, и то, что ты желаешь дать ему хорошее образование – это весьма похвально. Ты молодец, Шеен.

Честолюбие молодого папаши, самого не получившего сносного образования, приятно удивило профессора биологии. На самом деле, за целую неделю он не смог еще толком узнать своего провожатого.

– Хочется прилечь, – подумал вслух Гурвич.

Водка вместе с накопившейся усталостью делали свое дело. Сон незаметно подкрадывался к векам ученого. Его уютная спальня с деревянной кроватью находилась в смежной комнате. Она была больше самого ложа всего в два раза. Па-

ру шагов – и можно упереться носом в бревенчатую стену. Но для профессора она сейчас была равносильна королевским апартаментам. Чего ему не хватало? Лишь семьи.

Ложе провожатого находилась в так называемой гостиной, там, где они сейчас находились, напротив круглого стола.

Профессор зажег керосиновую лампу, и комната слегка озарилась янтарным светом. Переносной компьютер, стеклянные бутылки, кружка, исписанные клочки бумаги постепенно испарялись из будничного сознания Ави.

– Шеен, не забудь под утро набрать в кружку снег, – крикнул он напарнику.

Снег подтапливался на огне, и образовавшаяся вода служила для чистки зубов. Для других, более значимых целей использовалось металлическое ведро. Таким образом, они экономили на питьевой воде, купленной в супермаркете Фернбенкса.

– Не беспокойтесь, сэр, – провожатый поспешил успокоить попутчика. – Я все сделаю. Спокойной ночи.

Этому коренастому пареньку не стоило напоминать о его обязанностях. Он прекрасно исполнял их без лишнего предупреждения.

– Спокойной ночи, Шеен.

Хотя был только вечер. Ави поплелся в опочивальню, поддерживая в одной руке горящую лампу. Кровать была убрана опрятно, насколько позволяли походные условия. Простыни, естественно, не было, ее заменял выцветший, шерстяной

кусочек материи, а поверх лежала сложенная вдвое засохшая шкура гризли. Рядом с кроватью стоял прямоугольный чемодан ученого. Он мог служить в разных условиях письменным столом или столиком для еды, вешалкой для мокрого белья или даже гладильной доской. В данном случае чемодан играл роль подставки для семейной фотографии Гурвичей. Сам Ави, его супруга Хелен и их дети, дочь Дженифер и сын Мозес.

Свет керосиновой лампы погладил снимок, забавно перебиваясь на цветной поверхности, делая невидимыми прически и отдельные части тел. Этому снимку уже почти пять лет, Дженифер там еще одиннадцать – совсем малышка, не говоря о четырехлетнем несмышленье Мози. А Хелен не изменилась за эти полдесяток лет, только сменила цвет волос для разнообразия. Теперь она блондинка с голубыми глазами. На нее иногда нападает желание сменить образ, несмотря на то, что мужу она нравится всегда, независимо от смены причесок и эмоционального состояния Ави. Главное, она держит форму и не толстеет, а остальное не столь важно. Он помнит этот день, когда у Джени начались каникулы и они отправились на Гавайи. Столько виски и пива, как за все дни пребывания в Гонолулу Ави не потреблял за всю жизнь. Он пел национальные песни и плясал с местными девицами. Да, Аляска – не теплые Гавайские острова, но это не делает ее менее прекрасной. Может быть, когда-нибудь он привезет сюда свою семью, на очередные каникулы. Кто знает?

Ави поставил лампу на пол и взял фотографию в рамке в крепкие руки скалолаза. Он заметил, что сделал это впервые за восемь дней скитаний. Возвращаясь, он ложился и сразу погружался в крепкий, беспробудный сон, а утром – снова за дело. Может, разговоры о семье Шеена или встреча с медведицей с детенышами заставили его вспомнить о том, что у него есть дом, жена, дети?

Он погладил стекло, поцеловал фотографию и поставил обратно. Из «гостиной» доносилось чуть слышное сопение провожатого, беспробудность сна которого была, однако, обманчива. Если бы профессор открыл входную дверь, Шеен тут же бы вскочил на ноги. Настоящий охотник, следопыт и телохранитель таких найти нелегко. В неизбалованном цивилизацией окружение, такие ребята на вес золота.

Гурвич задул керосинку, руководствуясь теми же принципами экономии. Завтра он встанет рано утром, часов в пять-шесть, сразу же после Шеена, чтобы начать новый день увлекательных поисков. В маленьком убежище в густых лесах Аляски слышался легкий храп профессора биологии.

Глава 2

– Мош-моши, хай, хай, – прерывисто и громко говорил в телефонную трубку Танака сан. Затем последовала длинная тирада не понятных для неапонцев слов, после чего слегка смущенно глава нефтяной фирмы отключил свой сотовый – Прошу прощения, господа, за причиненное беспокойство. Обычно я не забываю отключать мобильный во время таких серьезных встреч. Наверное, столь любезный, теплый прием и не менее теплая погода в вашем замечательном городе слегка вскружили мне голову. Думаю, вы меня простите, – японец натужно улыбнулся.

Опытный переговорщик мог выкрутиться из любой неловкой ситуации.

– Танака сан, вы столь безупречны, что эта легкая забывчивость только вас красит, – улыбнулся в ответ американский коллега.

– Я могу полагать, что мы уже договорились? – японец поправил очки.

– Нам нужно дождаться конца следующего месяца: цены на нефть не стоят на месте, Танака сан, вам это известно не меньше, чем мне. И если наши прогнозы подтвердятся, то думаю, ничто не помешает нам начать совместные разработки в этой зоне.

– Меморандум о добрых намерениях ни к чему не обя-

зывает кроме подтверждения нашей дружбы, – искусственная улыбка человека, ищущего дружеского расположения, не сходила с лица Танаки.

«Старый прохиндей» – подумал Тоби Пирс, тучноватый мужчина средних лет, с седыми, аккуратно зачесанными, волосами. Откуда, у япошек такая приверженность подписывать всякую чепуху? Меморандум о добром намерении, подумать только! Клочок бумаги, не более! Ну, раз оно действительно ни к чему не обязывает, почему не подписать эти два листа, тем более они действительно хотели работать сообща. Да и обижать старика Ясухино не очень хотелось. Танака – мужик цепкий и нюх у него острый. Такие обычно всегда добиваются результатов, а это главное в любом деле.

– С большим удовольствием, – развел руками Тоби. – Эрик, кажется, я тоже пострадал от забывчивости, дай мне, пожалуйста, ручку.

– Возьмите, Тоби, и оставьте себе. Это подарок, – Танака изогнулся, протягивая коллеге ручку, которой тот должен был поставить свою подпись на меморандуме, по большому счету не нужном ни тому, ни другому. Но Танака не успел, Тоби уже держал в мясистой ладони ручку своего помощника.

Бумаги были подписаны, дежурные улыбки широко растянуты, а узкие глаза представителей Азии еще больше сужены. Японцы, человек пять помимо босса, гуськом потянулись к выходу. Они ходили как-то необычно, слегка согнув

колени. Это всегда удивляло и одновременно забавляло Пирса. По этикету, Танака чуть задержался, чтобы перекинуться напоследок парой слов с другом Тоби, будто получасовой беседы оказалось мало. Правда, пытка длилась недолго, тем более Пирс был приучен к всякого рода проявлениям вежливости – африканским, азиатским, европейским или американским. Сколько людей, столько представлений о норме поведения, которые не всегда совпадают с твоими собственными.

– Обычно после подписания столь важных документов, обмениваются ручками. Возьмите, Тоби, и дайте мне Вашу! – Да-да, конечно, – кивнул американец и протянул азиату «Монблан» Эрика Флаундерса.

На сегодня было достаточно. Знаки дружбы и внимания удовлетворили японца, и он, наконец, избавил Пирса от своего присутствия.

– Эрик, – тяжело вздохнул глава фирмы, – я тебе должен одну ручку.

– Ты можешь дать вместо нее ручку Танаки, – улыбнулся помощник.

– Фу... Этого я не могу сделать. На следующей встрече он припрет меня к стенке, спросив о своей чертовой писалке. Ты же знаешь япошек, Эрик. Дружба, братство, договор и всякая другая ахинея, которыми они пичкают мозги.

– А когда планируется очередная встреча? – поинтересовался Флаундерс, искоса поглядывая на свои записи. – На-

сколько мне известно, они завтра уматывают домой.

– Не имеет значения, хоть через десять лет. – Пирс держался за живот. – У Танаки целая коллекция ручек, зажигалок и другой мелочи, насильно обмененных. Он точно притащит ее к следующей встрече и про свою спросит. Этот старый лис доконал меня азиатской вежливостью. И кто этому их учит? Все у него на файлах и в записях. Все помнит узкоглазый и ничего упустит.

– Хочешь выглядеть вежливым, Тоби? – заулыбался помощник.

– Знаешь, что я больше всего сейчас хочу, мой мальчик? – тяжело дышал босс.

– Нет...нет, – рефлексивно зажал уши Эрик, будучи прекрасно осведомленным о свойствах главы фирмы.

Громкий выхлоп изпод штанин Пирса эхом отозвался в стенах кабинета.

– Прости, сынок, – извинения вряд ли бы что изменили. – Нос зажимать не стоит.

В комнате автоматически поддерживалась стабильная температура, уровень влажности и легкий вспрыск освежителя воздуха, наполнил комнату чуть заметным запахом морской волны.

– Всегда после встреч меня тянет это сделать, особенно после Танаки. Кажется, полегчало.

Пирс плюхнулся на диван, растянув на техасский манер ноги на кофейном столике, пока Эрик Флаундерс терпеливо

ждал дальнейших поручений.

– Займись этим делом вплотную, малыш, – более серьезно произнес босс. – Что тебе об этом напоминать? Парень ты неглупый, дело знаешь. Фу... действительно жарко. – Тоби достал платок и прошелся им по взмокшему лбу. – Придется поехать в залив, Эрик. Возьмешь Тарика, переводчик нужен свой. Узнай об этом проекте от самих арабов и подумай, насколько он реален. Не хочу ввязываться в убыточное дело.

– У Танаки нюх на выгодные сделки, не исключено, что он уже получил разрешение шейха на бурение скважин в запланированной зоне, иначе он не менялся бы ручками, – рассуждал Флаундерс.

– Он меняется всегда. Ты свободен Эрик.

– Когда я должен ехать?

– Скажи Тарику, что вылетаете послезавтра, утренним рейсом. Удачи сынок, – на прощанье шеф взмахнул платком и повторно вытер со лба испарину.

Флаундерс только открыл дверь кабинета, как послышался новый хлопок, немного звучней первого. Секретарь Пирса Каролина Брайт недоуменно взглянула на невозмутимого помощника, как ни в чем не бывало выныривающего из дверного проема.

– Петли скрипят, Кери, – деловито заявил Эрик, плотно прикрывая дверь за собой, – нужно смазать.

– Но их смазали только неделю назад, – удивилась Кери.

– Значит, плохо смазали. Пусть проверят заново.

– Ладно, – секретарь нажала на кнопку коммутатора. Она еще не была знакома со слабостями Пирса. При ней он все – таки этого не делал. Это было бы чересчур.

Глава 3

Авиалайнер сделал последний разворот, перед тем как приземлиться в международном кувейтском аэропорту. Стюардесса пожелала всем приятного времяпровождения, проинформировав заранее о температуре за бортом «Боинга» после посадки.

– Лучше в турецкой бане прохладиться, – с кислой физиономией заметил Флаундерс.

– Ты еще не привык к жаре? – спросил Тарик, поглядывая в иллюминатор.

– Не люблю высокую температуру. – облизнул губы помощник. – Мне пришлось года три привыкать к хьюстонскому лету. Первые дни вообще был ужас, сердце будто вот-вот остановиться. – Эрик жестикулировал пальцами, имитируя работу сердца. – Однажды не выдержал и залез под уличный кран, прямо в деловом костюме, с галстуком и портфелем. Это было наслаждение, словно минута с прелестной женщиной после долгого воздержания.

– Представляю, как на тебя смотрели зеваки.

– Никак не смотрели, – буркнул Флаундерс. – сами плескались на уличных фонтанах. Помнишь, года два назад, стояла рекордная температура за последние двадцать лет. Спасались все, кто как мог. Кто в морозильник голову совал, кто пакет со льдом за пояс. Вспоминать жутко.

– Пакет со льдом? – переспросил Тарик.

– Не советую увлекаться. Пробовал. Приятно, . . . но возникают другие проблемы. Есть риск воздержания на всю жизнь. Выходим.

Сотрудников «Кенойл» встретил невысокий, плотный араб в национальной одежде, провожая их в VIP-салон, где они должны были дожидаться багажа. Кувейтец прекрасно владел английским:

– Меня зовут Джабер, я помощник господина Закарии Аль Мунера. Как долетели, друзья?

– Долетели прекрасно, я Тарик Абдель Саид, это Эрик Флаундерс.

– Господин Флаундерс . . .

– Просто Эрик. Это облегчит наше взаимопонимание, – Флаундерс почувствовал, как пересохло горло. – На улице очень жарко, Джабер.

Помещение прекрасно охлаждалось, и о невыносимом зное аравийского полуострова можно было только догадываться, вглядываясь в затемненное окно кабинета для особых гостей.

– На улице и в самом деле жарко, Эрик, но думаю, вы не узнаете, как сильно греет наше солнце, если только не вздумаете прогуляться в полдень по раскаленному асфальту местного шоссе, – рассмеялся араб.

– Да, вы правы Джабер, – согласился гость, – мне не нужно измерять ваши дороги, чтобы получить солнечный удар, но

от бокала холодной воды не откажусь.

– Неужели вы еще не привыкли к нашему гостеприимству, Эрик? – лицо Джабера исказилось смесью обиды и недоумения, – справа от вас бокалы газированной со льдом. Очень холодные, не простудите горло.

– Чего-нибудь желаешь, Тарик? – по-арабски спросил переводчика Джабер.

– Да, если можно, пачку сигарет... «Парламент-лайт», – Абдель Саид протянул двадцатидолларовую купюру.

– Ты мой гость, Тарик, – Джабер прошелся ладонью по окладистой бороде, терпеливо ожидая, пока гость не вернет ценную бумажку в карман.

Кувейтец что-то скомандовал подчиненным, и вскоре перед Тариком красовался глянцевый пакет, заполненный блоками сигарет.

– Это лишнее, Джабер, – также не шутя заявил Тарик, – я заядлый курильщик, но столько мне не осилить. Чтобы не обижать тебя, я возьму один блок. Это намного больше, чем я просил.

– Здесь не возвращают подарков, брат мой, – глаза Джабера злобно блеснули.

– А я и не возвращаю, – хитрил Тарик, – я их дарю тебе.

– Я не курю, брат мой. Тебе придется их осилить. Ха-ха-ха, – сильный, горланистый смех пронесся вихрем по охлажденному кондиционерами помещению.

Глава 4

– Будьте осторожны, мистер Гурвич. Тропинки скользкие. Одно неловкое движение – и вы скатитесь вниз на бешеной скорости. – предупреждал Шеен, – Я могу не успеть.

– Это означает, что риск свернуть себе шею, резко увеличивается.

– Не нужно так говорить, мистер Гурвич. Даже не представляю, что со мной произойдет, случись с вами несчастье.

– Что же произойдет, Шеен? – профессор, продолжая путь по извилистой лесной тропе, тяжело вздохнул, думая, как объяснить услужливому провожатому, что он, Ави Гурвич, не ребенок и к тому же простой смертный, не застрахованный от неприятностей, как любой другой. И чрезмерная опека, вызванная самими положительными намерениями, может испортить настроение. – Произойдет то, что вначале ты проверишь, жив ли я или всего лишь травмирован, после свяжешься по рации с Фербенксом и вызовешь подмогу. Если мне суждено отдать концы, Шеен, ни ты, ни я, и никто на свете не сможет этого предотвратить. И еще, самое главное, чтобы ты не раскисал, скажу... Я пока не собираюсь сворачивать себе шею и отправляться на тот свет, хотя кто знает, может там намного лучше, чем на Аляске. – Ави рассмеялся на всю глотку. – Кажется, я был краток и вполне понятен.

Шеен хлопал глазами, не понимая смены настроения сво-

его попутчика. Одно было ясно: сегодня не стоит перегружать опекаемого лишними замечаниями по поводу безопасности и самому смотреть в оба, чтобы не кусать потом локти.

– Разрешите пройти вперед, – осмелился провожатый, – и еще... Возьмите это и обвяжитесь, – он протянул моток крепкой веревки, другой конец которой перекрутил вокруг собственного предплечья.

– Зачем, Шеен? – удивился Гурвич.

– Я настаиваю.

Взгляд алеута был слишком серьезным и требовательным, чтобы дать волю новым философским излияниям.

– Хорошо, – смирился Ави. – Только как я буду ходить? Это очень сковывает движения. Вдобавок я могу упустить очень интересный кадр.

– Я вам помогу. – Шеен, как всегда, был краток и категоричен.

Исследователь природных красот тяжело вздохнул и согласился на страховку.

– Не жмет? Поднимите руки, так, – провожатый проверял прочность узла, обмотав длинную веревку вокруг теплой, пухлой, как свежеиспеченная булочка, куртки профессора. – Я похож на беспомощного тельца, – улыбался Ави, придерживая рукой фотоаппарат.

Шеен ничего не ответил, продолжая идти вперед. Он обещал сегодня показать Гурвичу место, где вода пробивается через центр скалы, словно кто-то вмонтировал в нее водяной

насос. По сведению ученых, напор очень сильный, порядка четырех атмосфер. Сила, генерирующая столь мощный всплеск, осталась пока неразгаданной. Чтобы изучить этот феномен, необходимо, как минимум, разрушить гранитную скалу высотой сто девяносто с лишним футов. – Сколько нам еще туда идти? – тяжело дышал профессор.

– Если будем продолжать такими темпами, то примерно час. Может, чуть меньше.

Ави только сейчас заметил, что его попутчик не носит часов.

– Жмет на запястья, – ответил Шеен. – Однажды мне подарили компас в виде наручных часов. Так хотелось от него избавиться, будто в кожу въедается липкая змея. Не выдержал и двух дней. Снял. Да и зачем он мне нужен? Я без него прекрасно обхожусь. И по времени не ошибаюсь. Звезды, солнце – вот мой компас, самый безошибочный и верный, – это было не простое хвастовство, а самая настоящая правда. Шеен никогда не сбился бы с пути, потому, что он был прекрасным проводником, обладая всей техникой системы выживания.

– Жаль, что у нас осталось не так много времени. – Ави посмотрел под ноги и остановился. – Научил бы и меня так ориентироваться.

– Это не так уж сложно, сэр. Несколько уроков – и вы сможете без труда найти дорогу по звездам в нужном направлении.

– Я большой лентяй и не люблю учиться, – профессор хлопал по плечу попутчика, и они продолжили путь к чудо-фонтану.

Глава 5

Первое, что он увидел, раскрыв веки после операции, это улыбку лечащего врача. Слегка нагловатую и добрую одновременно, с небольшим изгибом влево. Немного прищуренные глаза создавали впечатление близорукости, но оно было обманчивым. Глаза у доктора были безупречны во всех отношениях, притягивая и обвораживая собеседника. Взгляд исподлобья не упускал ни малейшего намека, штриха, движения на невнимательность, в случае которой наступал черед дежурного вопроса «ясно ли я выражаюсь?». А голос «дока Лиама», как его называли пациенты, был насколько плавным, размеренным и весьма убедительным, что не слушать его было невозможно. Он вполне мог бы лечить фразами, смешивая объяснения курса лечения с пошлыми шутками, не имеющих видимых границ нецензурных словосочетаний и не очень корректной жестикуляцией. Не имело значения, был ли его пациентом несовершеннолетний ребенок или пожилая леди, в момент объяснений исцеляющей методики он называл в сленговых выражениях все интимные части тела, будь то мужского или женского пола. Более или менее благовоспитанных больных вначале шокировала дерзкая, грубая речь «дока Лиама», но на второй или третьей день они свыкались и сами переходили на говор злчных улиц.

– Как себя чувствуешь, амиго? – подмигнул Лиам. – Que

te passa?

В ответ амиго устало кивнул головой, заставив себя улыбнуться, хотя силы были изрядно подточены. Устает не только хирург, но и оперируемый, несмотря на то, что отключается под действием наркоза.

– Ты счастливчик, Хоакин. – врач слегка потрепал пациента за прямые, черные волосы. – Операция была успешной, без всяких осложнений. Это благодаря тому, что опухоль у тебя выявили на ранней стадии. И еще, у тебя железные я... а парень. В противном случае нам бы пришлось несладко, – он посмотрел в глаза больному. Они чуть «заплыли», но не свидетельствовали ни о каких дополнительных проблемах. Чистые, без ненужных покраснений, – А зачем нам мучения, если от них можно запросто избавиться. Отрезать – и готово. – Лиам небрежно взмахнул рукой, улыбнулся, излучая уверенность и жизнерадостность.

Док даже присвистнул для убедительности.

– Спасибо, Лиам, – прохрипел Хоакин Мендес, мальчик с диагнозом злокачественной опухоли желудка в начальной стадии. Коварная болезнь не успела разыграться и была усмирена острым скальпелем Лиамы Боннера, спасшего не одну душу. Спасал он не в келье католического пастыря, ибо по отцу являлся ирландцем, а в своем кабинете или на хирургическом столе.

– Ты же знаешь, Хоакин, я не люблю это слово, – вполне серьезно заявил Лиам, проверяя пульс.

– Все равно спасибо. Вы меня спасли, – в горле мальчика скрежетало от долгого вынужденного молчания. – Я ваш должник.

– За операцию я получил деньги, значит, ты мне ничего не должен. Это во-первых, а во-вторых, старайся много не болтать. Ты сильно ослаб после операции, – пульс больного был нормальный. – Постарайся уснуть и подзарядить батарейки. От острых мексиканских блюд, придется ненадолго воздержаться.

– Я ваш должник, – не унимался Хоакин.

– Ладно-ладно, – Боннер несильно сжал плечо мальчика, – подаришь мне бутылку текилы. По рукам?

– Угу.

Хоакин устало улыбнулся в ответ, после чего закрыл глаза и погрузился в глубокий послеоперационный сон. Батарейки требовали постепенного восстановления при помощи волнообразных пробуждений ото сна и новых в него погружений.

– Верно, малыш. Спи, – Боннер зевнул и закрыл ненадолго ладонями изможденное лицо. Только сейчас он мог слегка расслабиться, не показывая посторонним свою человеческую натуру, которая, также как, и его больные, способна расточать силы. – Силы тебе еще понадобятся. Я даже немного тебе завидую.

Док чуть приподнял одеяло и проверил перевязку. Кровотечения не было, пульс как упоминалось, был в норме, дыхание ровное. Давление немного упало, но это было вполне

естественно после серьезной операции. Все опасения остались позади. Исцеление Мендеза можно было смело записать в очередной актив Боннера. Мальчик, без сомнения, пополнит список победителей страшного недуга, калечащего множество судеб человеческих, и не будет больше страдать. От этой мысли становился невероятно легко и приятно, будто освобождаешь душу от шлака и накопившегося гноя переживаний.

Они были вдвоем в палате, спящий спасенный и бодрствующий спаситель – брюнет среднего роста, с легкой проседью, появившейся совсем недавно, пару лет назад, когда Лиам перешагнул за сорокалетний рубеж. Он лениво прошелся по шевелюре руками, потеревил ее и подошел к окну. Было утро, одиннадцатый час. Немного клонило ко сну, учитывая, что он с 6.30 корпел за хирургическим столом. Предстояла еще одна операция в четыре дня, немногим более сложная. А потому неплохо передохнуть. Час сна в своем кабинете вовсе не помешал бы, а вечером можно расслабиться по полной программе, благо, все шло неплохо. Две операции в день – не самый насыщенный график «дока Лиама», но даже этого достаточно, чтобы добавить ложку дегтя в бочку радостного состояния души. Он ненавидел операции, прибегая к хирургическому вмешательству, когда оно крайне необходимо больному, и не остается другого выбора. Сегодня оно, безусловно, было нужно мальчику. Лиам отрезал опухоль, пока она не увеличилась и не пустила метастазы.

Он постоял молча несколько минут, взглядываясь по ту сторону прозрачного стекла, занятый своими мыслями, не вникая в посторонние формы. Раздался звук открывающейся двери. В палату вошла невысокая медсестра:

– Мистер Боннер, родные Мендеса хотят с вами поговорить.

– Зачем я им понадобился? – пожал плечами док. – Скажи, что все прекрасно, и операция прошла очень удачно. Поверь мне, что я сказал бы то же самое.

– Они настаивают, – виновато, будто оправдываясь, отвечала медсестра.

– Господи, Боже Праведный, – в сердцах выпалил Боннер, – избавьте меня от сопливой сентиментальности.

– Хорошо, я постараюсь объяснить, что вы очень устали, – девушка решила не доканывать хирурга, понимая причины его раздражения. Она развернулась и только собиралась выйти, как Лиам ее остановил.

– Постой, Арета, – он обречено склонил голову. – Не стоит. Сколько их там собралось? Десять, пятнадцать?

– Не думаю, – пожала плечами Арета. – Кажется, человек пять или шесть, не более.

– Скажи им, что буду через пять минут.

– Хорошо, – медсестра кивнула, покорно скрестив руки чуть выше пояса, будто слушала проповедь.

– И еще...наблюдай через каждые полчаса за графиком ритма сердца. Когда проснется, проверишь давление. Все

данные в конце дня доставишь мне в кабинет. Кто будет тебя заменять?

– Роза. – кратко ответила Арета, добавив. – Роза Паталаки. До утра будет она.

– Скажешь ей, чтобы сменила ему повязку.

– Когда?

– Утром, – он посмотрел на нее, чтобы убедиться насколько точно она усвоила данные ей распоряжения. Взгляд медсестры непреднамеренно скользнул мимо глаз Боннера.

– Ясно ли я выражаюсь, Арета? – чуть строже спросил Лиам.

– Да, предельно, – быстро ответила медсестра.

– Рану не стоит теревить, чтобы вызвать ненужное кровотечение. У него очень мягкие мышечные ткани живота. Мизер жировой прослойки. Счастье хирурга, а не пациент. Кстати, это его первая операция, после сна у него может возникнуть первичный стресс. Реакция на наркоз. Если уж очень будет хныкать, сделаешь снотворную инъекцию, – записывать не было необходимости. Рутинные, послеоперационные процедуры, которые все же, не лишне было повторить. – Но парень вроде не проблематичный. Настоящий мацо. Вдобавок, обещал мне текилу.

* * *

Первым на Боннера напала полноватая, смуглая женщина.

По ее пухлым щекам произвольно текли слезы, а короткие, мясистые ручки импульсивно жестикулировали в унисон быстрой, не совсем понятной речи, состоящей из ломаных английских вопросов и испанских благословений Господа Бога. Она то и дело крестилась, сжимала вместе кулаки, после чего снова и снова обращалась к Боннеру. Сомнений быть не могло. Даже не знающий ее человек, мог бы догадаться, кем приходилась эта женщина больному. Никто не может так эмоционально переживать за результат операции, как мать. Ей ужасказали, что все обошлось, и ее сыночек будет жить. Однако, матери хотелось услышать приятные вести из уст самого хирурга.

– Сеньора Мендез, я полагаю? – поздоровался Лиам.

– Да, да сеньор сирухано (по испански – хирург), я мать Хоакина. Расскажите как он себя чувствует? Как мой мальчик? Умоляю вас, сеньор сирухано, ответьте несчастной матери, с ним будет все в порядке? – она держала в руке скомканный влажный от слез платок.

– Ваш сын, сеньора Мендез настоящий джентльмен...мачо. – улыбался Боннер. – Не забудьте пригласить на его свадьбу.

– Он будет жить, не так ли, доктор? – вопросы так и сыпались.

– У меня никогда на этот счет не было сомнений.

Боннер лениво почесал левую щеку, с трудом сдерживая самообладание. Плач стал ему порядком надоедать.

– Спасибо тебе Иисус, Дева Мария, ты услышала мои мольбы.

Слезы сеньоры Мендес усилились, она в очередной раз перекрестилась и в порыве неудержимой радости бросилась на шею врача.

– Спасибо вам, сеньор сирухано, Господи как я вам благодарна, – она душила его своими короткими, крепкими ручонками, придавливая пышной грудью диафрагму Лиама.

– Сеньора... сень... ора... Мен... Мендес, – запыхался Боннер, – отпустите меня. Мне тяжело дышать. Это мой долг... Черт возьми... Не стоит меня за это благодарить. Отпусти меня, толстая сучка.

Последние слова были высказаны хриплым шепотом и не услышаны никем, даже самой мексиканкой, чьи уши были заложены потоком радостных известий. Неизвестно, сколько еще бы продолжалась «пытка» врача, не подоспей на помощь седовласый мужчина с редкими тонкими усиками. Это был отец Хоакина, Хорхе. Он взял под руку жену и сказал ей пару слов, значения которых Лиам не понял. Перевод был не столь важен. Главное, она от него отстала, хотя и продолжала пускать слезы радости.

– Простите, е-н Боннер, – мужчина пожал руку Лиама, – материнское сердце.

– Понимаю, – отдышался Лиам.

– Она очень впечатлительная. А когда речь идет о собственном ребенке, эмоции усиливаются в сто крат, – отец

вздохнул. Он держался достойно, хотя глаза выдавали пережитое потрясение. – Благодарю вас, доктор. Мы все вам очень верили, и вы нас не подвели.

Глава Мендес стал подзывать по очереди остальных членов семьи, чтобы и они выразили врачу чувство признательности.

– Карлос – старший брат Хоакина. Изабель – сестра... то есть моя дочь.

– Я догадался, – засиял Лиам, чуть прищурив кобелиные глаза. – Очень рад.

Девушка в туго натянутых джинсах и синей блузке, с отчетливо вырисованным рельефом верхней части тела, заставила Лиаму ненадолго позабыть об усталости.

– Орнелию вы знаете, – сеньор Мендес имел в виду свою супругу, не подпуская ее близко.

– О да, конечно. – Боннер вскинул обе руки. – Простите, но я должен вас покинуть. Ваш сын скоро встанет на ноги, но ни в коем случае не пичкать его мексиканскими специями, перцем и чем-нибудь в этом роде. Ясно ли я выражаюсь?

– Мы будем выполнять все ваши инструкции, – торжественно заявил Хорхе Мендес.

– Вот и прекрасно. – Лиам обрадовался финишной прямой в разговоре, стараясь более не растягивать ее лишней любезностью. – Берегите себя.

Родственники Хоакина уходили под сдерживаемый, плач счастья матери. По мере их удаления, тишина вновь воца-

рялась в полупустом коридоре нью-йорского госпиталя. Почему-то резкий переход от семейного хаоса к практическому безмолвию стал угнетающе давить на Лиаму. Наверное, сказывалось легкое нервное истощение вкупе с физической усталостью. Противно заурчал желудок, извещающий о давно наступившем вакууме. Необходимо сходить в больничный буфет и заказать себе что-нибудь легкое перед полуденным сном. Лиам прошел по коридору направо, в сторону лифта.

– Боннер, – послышался женский голос, эхом отозвавшийся в почти безлюдном помещении.

– Дорин? – голос слишком знакомый, чтобы его спутать. – Неужели? Не думал, что ты свободна.

– Ты прав, Боннер. У меня нет на сегодня никаких запланированных операций. – Дорин стервинно улыбнулась, не вынимая рук из боковых карманов медицинского халата. – Хотя, кто знает? День только начинается.

– Рад за тебя, – брови Боннер выгнулись дугой, придавая его лицу несчастное и одновременно забавное выражение. – Я в буфет. Можешь составить мне компанию. Если есть такое желание.

– Не рановато ли для ланча, док?

– Нет, если ты с шести часов на ногах и поддерживаешь себя исключительно освежителем дыхания. Кстати, могу предложить, – он вытащил из нагрудного кармана рубашки крохотный опрыскиватель с изображенным на нем лимоном.

– Какая наглость! – возмутилась Руаби. – Когда это у меня пахло из-за рта?

– Допустим, в прошлом году, после Рождества, когда ты обожралась маринованным чесноком. – Боннер ехидно улыбался. – О, это был шедевр!

– Я была пьяна, и ты сам меня напичкал этой гадостью. Ты воспользовался моим состоянием, чтобы поиздеваться надо мной. Поиздеваться в очередной раз.

– В очередной раз?! Вот как, – процедил Лиам. – Если ты намекаешь на Ники...

Он остановился, чтобы пристально посмотреть в глаза Дорин. За эти годы она тоже чему-то научилась. Хотя бы тому, чтобы не опускать глаза и вызывать на бой любого, кто посмел ее обидеть. Словно самец гориллы, почуявший неладное.

– К тому же чеснок вовсе не гадость, а довольно полезная вещь, – переключился Боннер, – я сам ужасно вонял два дня. Были праздники, и больные отдыхали. Почему бы ни расслабиться?

– Удивляться не стоит, Боннер. Ты в своем ампула.

– Верно, – согласился док Лиам. – Нужно оставаться самим собой, при любом стечении обстоятельств. Кажется, это твои слова, миссис Руаби, или это до тебя говорил еще какой-нибудь умник? А, в конечном итоге, я вовсе не хотел тебя обидеть, и ты права, зачем перебивать аппетит дезодорантом для рта, когда можно найти что-нибудь повкуснее, –

он положил свою руку ей на плечо, нежно подталкивая вперед. – Пойдем, я угощу тебя клубничным йогуртом. Это приятнее маринованных специй.

Со стороны могло показаться, что это обычный диалог двух флиртующих разнополых особей, познакомившихся дня три назад, и усердно протаптывающих дорогу к большой кровати. На самом деле все было гораздо сложнее и смешнее. Может, здесь и был флирт, напоминающий подступы к спальным апартаментам, но все же несколько иного рода. У Лиам и Дорин росла прелестная, трехлетняя дочь. Результат неоднократных ночей без применения контрацептивов. Однако, даже этого многозначительного факта было недостаточно, чтобы заставить кобеля жениться. Дальше случки дело не шло. Хотя стоит признать, что именно он настоял на сохранении ребенка, запретив даже думать о искусственном прерывании. Ребенок только освежил чувства, а несостоявшийся брак не загубил взбалмошный, необычный, нелогичный, но где-то очень красивый роман. Лиам был доволен, Дорин делала вид, что довольна на все сто процентов. Хотя зачем быть абсолютно счастливым, это даже как-то неинтересно.

– Клубничный йогурт и булочку с изюмом. – Боннер обратился к стоящей за прилавком девушке. – Тебе?

– Кофе, – коротко ответила Дорин.

– От кофе воздержусь, он меня сильно будоражит, – он посмотрел по сторонам, выискивая удобное место. – Сядем

за тот столик у окна.

В буфете было так же немногочленно, как в самих больничных коридорах – парочка врачей и несколько посетителей.

– Что это была за сцена? – Дорин старалась быть равнодушной.

– Сцена? – переспросил Лиам, чмокая первой ложкой йогурта. – Ах да, как же, Мендес. Только не напоминай. Там такая импульсивная матрона, что чуть не переломала мне шею и ребра.

– И миленькая девица впридачу, – она теребила мочку уха, немного склонив голову влево. Легкий признак волнения.

– Сестра больного, – без лишних эмоций ответил Лиам. – Видел ее в первый раз.

– Я видела только твою спину, когда она протягивала руку, хотя отчетливо представляла выражение твоего кобелиного лица. Как жаль, что не она бросилась тебе на шею. Ее бы ты не оттолкнул ни за что на свете, даже если она вцепилась бы зубами в твою сонную артерию, словно вампир. – Дорин сама напоминала сейчас вампира, готового растерзать Лиаму.

– Ее зовут Изабель. – Боннер не терял самообладания, несмотря на всю свою раздражительность. – Да, она не похожа на свою матушку. Очень уравновешенная особа. – Лиам говорил с полным ртом, преднамеренно усиливая чавканье.

– Нельзя ли есть чуть помедленнее?

– Я же голоден, Дорин.

– Перестань Лиам, это некрасиво.

– Опять замечания, – сокрушенно повертел головой Боннер. – Кажется, у тебя кофе стынет.

– Ники вчера мне все уши протрезвонила. Если мне не изменяет память, ты обещал ей прогулку.

Лиам перестал жевать, степенно проглотив кусок, после чего внимательно уставился на Дорин.

– Да, это правда, – кивнул он в ответ. – У тебя не должно возникать никаких сомнений в том, что я безумно люблю собственную дочь, или ты забыла, кто заставил тебя воздержаться от аборта! – лицо его сморщилось. – Слово – то какое, аборт. Тьфу.

Он глотнул еще йогурта и соскреб со дна остатки.

– Наверное, я не самый хороший папаша, – продолжил Лиам, – сладострастный любовник и вовсе никудышный муж, но если я даю слово, то стараюсь его выполнить, чего бы это мне ни стоило. В особенности, когда это слово дано самому любимому существу в мире. Ради которого я готов пожертвовать всем.

Я обещал Ники отвести ее в зоопарк в субботу. В субботу, заметь, – Боннер приложил салфетку к губам. – Срок еще не настал. До него еще целых четыре дня. Раз, два, три, четыре, – он пересчитывал на пальцах для большой убедительности. – Девяноста шесть часов. Примерно десять операций и

не менее пятидесяти утомительных встреч с родственниками больных.

– Не стоит перечислять, что можно сделать за четыре дня. – насупилась Руаби.

– Хорошо. Тем не менее, мне кажется лишним спекулировать словами ребенка, который еще не совсем точно понимает разницу между рабочим днем и уик-эндом, между обычной прогулкой по многолюдным улицам и походом к зверушкам. Она требует это от плохого папули немедленно и сейчас. А когда он не приходит, никто не может ей объяснить причины его отсутствия только по той причине, что с этим папочкой у кого-то есть свои личные счета.

– Ошибаешься, Лиам. – запротестовала Дорин. – Я пыталась ей это объяснить, но она очень упрямая девочка. Ей хочется видеть своего отца. Каждый день. Ники действительно не понимает разницу между праздниками и рабочими днями, но она имеет право это требовать.

– Я пошел спать, – еще немного и у него затрещит голова, а это совсем не к чему. – Мне предстоит еще одна сложная операция, дорогая. Увидимся.

Боннер встал из-за стола и быстрым шагом вышел из буфета. Дорин осталась одна. Она даже не притронулась к кофе. Он был уже холодный и невкусный.

Глава 6

– Следуйте за мной, господа, – подзывал рукой долговязый инженер из Голландии. – Вам необходимо самим ознакомиться с этой буровой установкой. Это последний писк научно-технического прогресса. Он скорее напоминает фешенебельный отель, чем приспособление по выкачиванию нефти. Она вам обязательно понравится. Только предупреждаю, что ее строительство еще не завершено.

– Во сколько обойдется сдача? – поинтересовался Флаундерс.

– Примерно в двести восемьдесят миллионов, – сразу ответил инженер. – Цифра не совсем точная, но будем пока плясать от нее. Как специалист могу вас заверить, что она продержится намного дольше, чем все остальные буровые установки, существующие до нынешнего времени.

– То есть вечность, – без мимики на лице выпалил Эрик.

– Ха-ха, – закудахтал европеец. – Можно так сказать. Если не больше.

– Нам не нужно больше, – все тем же лишенным эмоций голосом, продолжал Флаундерс. – Мы не собираемся столько жить. Вечности вполне достаточно.

Флаундерс, Тарик и тощий, непропорционально вытянутый голландец, по имени Рой Ван Схип шагали по необъятному заводу, специализирующимся на производстве техни-

ческого оборудования, получая в основном заказы от зарубежных нефтяных и строительных компаний.

– А что это такое? – Эрик показал рукой на большое пустое пространство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.